

Обзор материалов фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия

*Максим Манчиевич Батмаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8. ул. им. И. К. Илишкина, 358000, Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: maxibatmaev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Батмаев М. М., 2022

Аннотация. *Введение.* 5 января 1771 г. началась откочевка большей части калмыцкого народа во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши из пределов России, что повлияло на формирование новой системы взаимодействия с оставшейся частью калмыков. Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе полковник И. А. Кишенской был отстранен, и с 1 марта 1771 г. начала функционировать Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии. Материалы и документы, связанные с ее деятельностью, хранятся в фонде 35 Национального архива Республики Калмыкия. *Цель статьи* — дать общий обзор дел фонда 35 Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* Документы фонда 35 включают дела, охватывающие период с 1771 по 1786 г., когда Калмыцкая экспедиция была ликвидирована. Всего в опись фонда включено 205 дел. Среди них — предписания, определения, резолюции астраханских губернаторов; рапорты и донесения, а также письма, в том числе содержание прошения, по разным вопросам; письма калмыцких владельцев; реестры; книги договоров. Документы фонда отражают сведения о свершившейся в 1771 г. откочевке калмыков, о взаимоотношениях с оставшимися владельцами; имеются данные о численности калмыков и об их владельцах, о становлении системы управления оставшимися на Волге калмыками и о взаимоотношениях с соседними народами; об участии калмыков в военных действиях России и о расследовании участия калмыков в Пугачевском движении; о различных спорах. Матери-

алы фонда включают сведения о кочевьях калмыков, а также отражают колониционную политику по отношению к калмыцким степям.

Ключевые слова: Национальный архив Республики Калмыкия, фонд И-35, Калмыцкая экспедиция, документы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Обзор материалов фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 8–22. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-8-22

The National Archive of Kalmykia: A Review of Collection I-35

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2223-0647. E-mail: maxibatmaev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Batmaev M. M., 2022

Abstract. *Introduction.* On 5 January 1771, the bulk of the Kalmyk people under Viceroy Ubashi began their migration beyond Russia's borders. That resulted in the shaping of a new administrative system for the Kalmyks left behind. Colonel I. Kishensky — the official in charge of Kalmyk affairs at Astrakhan Governor's Office — was dismissed, and the Kalmyk Expedition affiliated thereto began its work since 1 March 1771. Materials and documents covering the latter's activities are contained in Collection 35 of Kalmykia's National Archive. *Results.* The Collection comprises files dealing with the period from 1771 to 1786 when the Kalmyk Expedition was eliminated. The Collection's register mentions a total of 205 files, such as instructions, decisions, and resolutions by Astrakhan governors; reports, dispatches, and letters,

including diverse petitions; letters of Kalmyk landlords; registers and books of agreements. The included documents inter alia describe events of the 1771 Kalmyk exodus to Dzungaria and relations with the remaining nobility, contain data on actual numbers of Kalmyks and their leaders, review the shaping of an administrative system for the Volga Kalmyks and the latter's contacts with neighboring communities, their participation in Russia's military operations, and investigations of their involvement in Pugachev's Rebellion, and various disputes. The Collection also includes some topographic descriptions of Kalmyk nomadic areas, provides insights into colonization policies across Kalmyk-inhabited steppes.

Keywords: National Archive of Kalmykia, Collection I-35, Kalmyk Expedition, documents

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Batmaev M. M. The National Archive of Kalmykia: A Review of Collection I-35. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 4: 8–22. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-8-22

Введение

5 января 1771 г. началась откочевка большей части калмыцкого народа во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши из пределов России. Начавшийся уход калмыков, не мог, разумеется, не сказаться на служебном положении состоящего при калмыцких делах при астраханском губернаторе полковника И. А. Кишенского. Сам губернатор Н. А. Бекетов находился в это время в Санкт-Петербурге и приехал в Астрахань только 13 февраля 1771 г. [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 420. Л. 60]. Уже на следующий день последовал его ордер, то есть письменное предписание, на имя И. А. Кишенского. В нем говорилось, что правительственным указом все калмыцкие дела поручены в полное рассмотрение и управление губернатора. В связи с этим решением Кишенскому предписывалось уже самостоятельно не связываться с Государственной коллегией иностранных дел, а обращаться письменно к губернатору (т. е. самому Н. А. Бекетову) и ждать резолюции на свое представление [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 432. Л. 92].

16 февраля последовал новый ордер, предписывавший полковнику И. А. Кишенскому, находившемуся в Царицыне, со всей воинской при нем командой и письменными делами и документами прибыть в Астрахань, где и ему предписывалось отныне пребывать под управлением губернатора [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 432. Л. 95]. Наконец, 1 марта 1771 г. бывший руководитель Калмыцких дел получил третий ордер. Ему сообщалось, что в силу именного (от имени императрицы Екатерины II) указа Н. А. Бекетов определил И. А. Кишенского от Калмыцких дел, уже порученных губернатору, «отрешить» и письменные дела по поданным спискам с канцелярскими служащими принять в «точное мое ведомство, а драгунскую роту отдать под команду плац-майора Фунта, денежную казну сдать в Коммерческий банк [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 432. Л. 102].

Надо отметить, что все указанные распоряжения отдавались, без всякого сомнения, не без злорадства со стороны Н. А. Бекетова. Дело в том, что с самого первого слуха о намечавшемся уходе, о котором Н. А. Бекетов немедленно сообщил И. А. Кишенскому, губернатор всегда получал успокаивающие ответы полковника. Так, в феврале 1770 г. руководитель Калмыцких дел писал Н. А. Бекетову, что не может понять, «отчего вдруг такие о калмыках сумнительствы и подозрении оказались, чего здесь ни по каким секретным чрез доброжелательных к российской стороне владельцев, зайсангов и калмык разведованиям нимало не оказывается и не слышно» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 418. Л. 70].

Итак, все делопроизводство по калмыцким делам было передано во вновь образованную Калмыцкую экспедицию при Астраханской губернской канцелярии, которая начала функционировать с 1 марта 1771 г. [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 432. Л. 102]. Ныне все материалы и документы, оставшиеся после деятельности указанной экспедиции, хранятся в 35-м фонде под тем же названием в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Материалы и методы

Объектом исследования являются материалы указанного выше фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия.

Содержание их не что иное, как исторический источник, а в источниках в общем плане зафиксирована информация двух типов: выраженная (очевидная творцу источника) и скрытая (неочевидная для него вследствие множественности взаимосвязей свойств и черт, присущих объекту). В общем объеме информации, получаемой субъектом, всегда заключено больше скрытой информации, чем выраженной. При этом каждый источник есть «диалектическое единство объективного и субъективного. Каждый источник субъективен, поскольку он является продуктом человеческого сознания, творением субъекта. С другой стороны, исторический источник объективен как в силу того, что он сам является частью исторической действительности, так и потому, что творцы источника способны объективно отражать действительность» [Источниковедение 1981: 7]. Это надо помнить исследователю при анализе источников. При работе над содержанием материалов фонда использованы описательный, аналитический и функциональный методы. Первый метод дает возможность познакомить читателя с содержанием материалов фонда, второй метод носит оценочный характер, третий метод позволяет наметить причины и значение появления того или иного документа.

Освещение исследователями материалов фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия

Материалы фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия не часто использовались исследователями. Так, данные этого фонда использованы в работах автора [Батмаев 2022; и др.], а также работах В. В. Батырова [Батыров 2014] и Е. В. Дорджиевой [Дорджиева 2002]. Как сообщает Е. В. Дорджиева в разделе «Источники и литература» своей работы, она использовала необходимые ей сведения из дел с номерами 6, 7, 8, 12, 13, 15, 18, 19, 25, 30, 72 и 94. За исключением четырех последних дел, остальные в той или иной степени касаются событий ухода большей части калмыков в 1771 г. и его первичных последствий [Дорджиева 2002].

В. В. Батыров в разделе «Источники» своего исследования отметил, что он использовал сведения, взятые им из дел фонда И-35

с номерами 8, 17, 34, 36, 85, 144, 155, 160, 179, 188, 190, 202. В первую очередь он привлек материалы топографического характера из «Плана топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 179]. Кроме того, В. В. Батыров извлек нужные ему сведения из «Описания калмыцкого народа, составленного для профессора П. С. Палласа» в деле 85.

Названные авторы дали краткие характеристики содержания использованных ими дел, а также отдельные замечания по тем или иным сведениям, находящимся в материалах фонда. Е. В. Дорджиева считает, что «документы, сосредоточенные в фонде И-35 НА РК, дают представления об изменениях, происшедших в положении волжских калмыков после ухода наместника Убаши. Материалы фонда говорят о волнениях в оставшихся на Волге улусах, причиною которых якобы было желание владельцев побудить своих подданных откочевать вслед за Убаши, о действиях астраханской администрации, направленных на пресечение возможного побега» [Дорджиева 2002: 15].

В. В. Батыров отмечает, что им рассмотрены и изучены делопроизводственные дела, которые хранятся в фонде И-35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии», где имеются неопубликованные материалы по топографическому описанию Астраханской губернии — «План топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии». Он подчеркивает, что названное топографическое описание «подробно информирует исследователей о различных сторонах жизни улусов Калмыцкой степи: их географии, водных ресурсах, хозяйстве, демографии, занятиях и быте жителей. Описание дает нам возможность уточнить внутренние и внешние границы Калмыцкой степи. В нем имеются сведения об особенностях территории региона, водных источниках и коммуникациях» [Батыров 2014: 9].

Вместе с тем общего описания всего содержания фонда И-35 на сегодняшний день не имеется. Содержащиеся в делах этого фонда сведения важны для дальнейшего, более углубленного изучения и

освещения калмыцкой истории охватываемого ими периода. Цель статьи — дать общий обзор фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия и обратить внимание исследователей и вообще всех интересующихся калмыцкой историей на содержание рассматриваемого фонда. Автор вместе с тем выражает надежду, что статья даст толчок вводу в научный оборот новых источников по истории калмыцкого народа, а на основе этих источников будут написаны новые работы.

Обзор дел фонда И-35

Всего в опись 1 фонда И-35 Национального архива Республики Калмыкия включены 205 дел, среди которых рапорты и донесения, письма, прошения, предписания, определения, резолюции астраханских губернаторов, реестры, книги договоров и др.

Информативные дела фонда начинаются с номера шестого; до этого из номера первого узнаем, что в январе 1771 г., во время ухода калмыков, в Астрахани был управляющим администратором генерал-майор и астраханский обер-комендант Карл фон Розенберг, а в Царицыне комендантом полковник И. Цыплетев [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. В номерах 2, 3 и 4 находятся реестры дел [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 2, 3, 4], а в пятом сведения о количестве товаров, ограбленных казахами из каравана, шедшего из Оренбурга в Астрахань [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 5]; также реестр — т. е. номера и заголовки дел — находится в десятом номере [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 10].

С номера шестого и далее в делах, датируемых по начало 20-х гг. XVIII в. в делах превалируют и представляют большой интерес и значение сведения об уходе и его последствиях. Документы свидетельствуют, что у оставшейся части калмыков и у соседнего с ними населения на некоторое время поселилось тревожное и недоуменное настроение, а временами и опасные намерения. Так, рапортом от 1 марта 1771 г. кизлярский комендант полковник И. Неимч сообщал, что получил от моздокского коменданта полковника Иванова также рапорт. Последнего уведомлял из Кабарды майор Тоганов, что жители Большой Кабарды,

узнав «о настоящей измене калмыцкого народа начели колебатца, а притом разглашают якобы живущие за Кубанью бесленейцы, темиргойцы, каронагайцы и протчие народы действительно намерены вскоре после праздника их, называемого Курмана, то есть сего марта 11-го числа как на Моздок, на Кизляр, на казачьи городки, так и до самой реки Волги чинить нападение» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 6. Л. 11]. При этом они считали, что если «уже калмыцкой народ изменил, то им никто препятствовать не будет». В связи с такими обстоятельствами Тоганов высказывал предположение, не примкнут ли к этим народам и кабардинцы [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 6. Л. 11].

Ввиду таких подозрений, связанных с кабардинцами, к делу был подключен полковник князь А. Дондуков, сын хана Дондук-Омбо (матерью которого была вторая жена хана, кабардинская княжна Джан). Он в это время находился с калмыцким войском на Северном Кавказе (шла русско-турецкая война 1768–1774 гг.). Из его рапорта Н. А. Бекетову от 10 сентября 1771 г. видно, что он, будучи у р. Кумы, имел переговоры с кабардинскими князьями, в том числе с родственниками матери, чтобы они, как подданные России, уговаривали кубанских татар добровольно принять российское подданство [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 498–500].

А. Дондуков был в мае 1771 г. назначен Н. А. Бекетовым главным над оставшимися калмыками впредь до особого указа. Губернатор сообщал графу Н. И. Панину письмом от 13 мая 1771 г.: «Каково о учреждении между оставшими здесь за побегом калмыками к сохранению порядка, на первый случай суда, а над владельцами (выключая дербетева с ево улусом, который остается во особливом от протчих разсуждени) главным начальником князя Дондукова учинено мною определение и пр., с тех посылаю копии для вашего рассмотрения» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 339].

Попутно отметим, что некоторые оставшиеся нойоны проявили полное непонимание сложившегося положения и, как и прежде, высказывали неудовольствие действиями местной российской администрации, пытались добиться неосуществимых льгот и власти по управлению оставшимся народом.

Впрочем, местная администрация порой также поступала неадекватно. Так, из рапорта ученика калмыцкого языка М. Лепехина переводчику А. П. Воронину от 18 июля 1771 г. явствует, что, несмотря на уход большей части улусов, от оставшихся владельцев требовали посылки людей на военную службу ввиду войны с Турцией [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 445].

Несмотря на порой довольно большие перемены в общем положении калмыков, во внешнем и внутреннем управлении и т. п., старые привычки и предубеждения порой не сдавали своих позиций. Это отразилось и в отношениях между улусами и этнополитическими объединениями. Как видно из письма Н. А. Бекетова графу Н. И. Панину от 7 октября 1771 г., «прежде разсуждено было мною для наблюдения поступок их отдать владельцу Замьяну, но как возвращенной обще с ними эркетенями от Яика владелец Асархо оказал в том свою прискорбность, изъясняя, яко издревле хошоуты торгоутами не командовали, что видя и принужден я был, по сильной ево прозьбе и не хотя зделать ему неудовольствия, то прежнее свое намерение переменить» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 95].

К началу марта стало ясно, что ушедших не вернуть. Нужно было позаботиться о наведении определенного порядка среди оставшихся и о выработке формы управления ими. Уже сказанное выше показывало, что наведение даже элементарного порядка будет делом непростым. Между тем время шло, а российское правительство медлило принять то или иное решение о дальнейшем положении оставшихся в России калмыков. Из письма Н. А. Бекетова графу Н. И. Панину мы узнаем, что первый, выполняя предписания второго, временно назначил главным над оставшимися калмыками князя А. Дондукова. И здесь не обошлось без конфуза [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 339].

Яндык, дядя ушедшего наместника, получив от Н. А. Бекетова уведомление, что главным над оставшимися поставлен А. Дондуков, ответил: «... что я усмотря, весьма остаюсь недовольным, ибо я как при жизни деда и отца и до сего время ея величеству никаких противностей не учинил, и во всю мою бытность кочевьем при

Волге и протчих городов дел великой государыни правители все ведая, обо мне засвидетельствовать могут, а что вы изволите на-упомянуть, что он, князь, фамилии ханской, оное хотя правда, но и я тож фамилии не незнатной» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 354]. Далее Яндык подводил решительный итог взгляда на свое значение: «Во определении ж над таким малым числом оставшим здесь калмыцким народом, имея к тому принадлежащаго человека, определить не принадлежащаго, из чего не иное что разумею, как только привести оставшихся калмык в несостояние, чего для я о сей прискорбности чрез сие вам представляю, а притом к ея императорскому величеству доступа, донести имею» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 354].

Н. А. Бекетов резко ответил на письмо Яндыка от 7 октября 1771 г., что статус назначенного «главным» А. Дондукова не означает, что он сам может решать важные вопросы, а лишь то, что Н. А. Бекетов из-за многих текущих дел во все мелкие дела не сможет вникать и держать под контролем, т. е. князь никто иной, как простой исполнитель губернаторских распоряжений. И все же для разъяснений и уговоров от губернатора к Яндыку был направлен коллежский переводчик А. Воронин. После этого Яндык, как видно из дела 12 фонда И-35, внешне смирился [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 356, 360]. Бывший при Яндыке ученик (изучавший калмыцкий язык) М. Лепехин доносил 9 октября 1771 г., что после получения уведомления о назначении А. Дондукова «как владелец, так и подвластные ево за великое неудовольствие признавают, так что уже они и калмыцкаго звания лишены» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 363].

Озабоченность местной российской администрации вызывал Дербетский улус, хотя его владельцы никаких нежелательных действий не проявляли. В связи с обсуждением ситуации с этим улусом сложилось дело, содержащее рапорты и донесения со сведениями «о переходе дербетовского владельца Цебека-Убаши на луговую сторону р. Волги и о мерах возвращения в случае его последования за ханом Убаши» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 12]. О намерениях дербетов носились различные слухи. Так, находящимся

в улусе для надзора за действиями владельцев капитаном И. Шапкиным 16 июля 1771 г. был составлен рапорт Н. А. Бекетову. Капитан передавал поступавшие к нему известия от благожелательно настроенных жителей улуса, что весь дербетев улус хочет бежать за Убаши, «которое их намерение имелось еще с прошлаго года, когда к ним присылан был посланец от владельца Кирипа, которой владеце Абе зять, со объявлением, что весь калмыцкой народ намерение принял бежать из протекции российской, но тогда де им уйти по притчине что река Волга льдом не покрылась и что дербетев улус переведен скоро внутрь линии (царицынской укрепленной линии. — М. Б.), не удалось» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 31].

Рапорты и донесения в фонде И-35 отложились и по отношению намерений оставшихся калмыков откочевать вслед за откочевавшими и «о мерах воспрепятствования в этом» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13; см. также: НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 14; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 18; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 122; и др.]. Документы фонда показывают, что на подозрении находился Эркетеневский улус [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 13; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 20]. Во время ухода он оказался позади многих улусов, и эркетеневские зайсанги впоследствии, когда он был возвращен из побега, настаивали на версии, что они специально отставали, чтобы при первом же удобном случае вернуться. Как бы там ни было, после возвращения улус был передан Яндыку, однако он плохо ему подчинялся. Тогда улус был поручен икицохуровскому Асархо, но так как и этому владельцу эркетеневцы не подчинялись, то Н. А. Бекетов передал улус Замьяну, о чем и уведомил его письмом от 28 июля, с тем примечанием, что они отдаются ему до окончательного правительственного решения об оставшихся калмыках [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 38].

Фонд И-35 содержит немало дел, связанных с отношениями калмыков с соседними народами [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 19; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 20; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 105; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 135; и др.], о дарении и продаже людей [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 36; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 47; НА РК. Ф. И-35.

Оп. 1. Д. 57; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 58; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 59; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 69; и др.], о беглых и новокрещеных калмыках [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 89; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 63; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 64; и др.].

Как известно, калмыки до ухода большей их части исправно участвовали в войнах России с ее неприятелями. Как раз до ухода степняки принимали участие в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Большой ряд дел в фонде И-35 свидетельствует о том, что и после откочевки большей части народа калмыков привлекали к военным действиям [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 7; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 120; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 131; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 132; и др.].

Так, из рапорта ученика Михаила Лепехина переводчику А. Воронину от 18 июля 1771 г. явствует, что, несмотря на уход Убаши, от оставшихся владельцев требовали посылки их людей на театр военных действий. По свидетельству М. Лепехина, после получения Яндыком указания астраханского губернатора, «подвластные ево в том нестерпимое неудовольствие оказывают, что их и последних из домов в службу требуют, и иные с великим огорчением из домов своих выступили» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 7. Л. 445]. А. Дондукову, назначенному главным среди оставшихся калмыков, был послан 20 октября 1771 г. ордер от Н. А. Бекетова, чтобы он из улусов Асархо и Маши, а также эркетеней снарядил 1 000 чел. и держал их в готовности под командой Маши [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 7. Л. 530].

Яндык, по рапорту М. Лепехина, проявил большое усердие в деле выполнения указания правительства. Получив весной 1771 г. предписание снарядить в формируемое калмыцкое войско своих людей, он приказал послать к своим подвластным людям письменные приказы, чтобы они «неотменно» выступали в войско, а если кто из зайсангов вскоре в поход не выступит, «того бить плетью тридцать раз и взять с него одного четырехлетнего верблюда, да и само ево лишить зайсанства, а естли ис подлых (простолюдинов. — М. Б.) кто не выступит, то вместо ево послать другого, а

с него взять шездесят рублей денег и тому человеку, кто за него в поход поедит, отдать, и естли он не в состоянии будет тех денег заплатить, то ево головою продать и тому человеку заплатить» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 8. Л. 62].

В правительстве понимали, что после событий ухода нельзя по отношению к оставшимся применять чересчур крутые меры, если они не вызваны необходимостью, что видно из письма Н. А. Бекетова де Медему (командующему российским войском на Северном Кавказе и Кубани) от 8 августа 1771 г. Н. А. Бекетов сообщал, что Н. И. Панин писал ему, что «по нынешнему в калмыцком народе замешательству удержаться от командирования их в поход, чтобы и остаток их сим отягощением более не был встревожен». Но так как это указание получено уже после выступления калмыцкого войска в поход и так как кубанские татары (подданные Турции) ныне разбиты калмыками, просит Н. А. Бекетов де Медема отпустить их по домам, «а естли вам во оных настоять будет необходимая нужда, то я вам могу дослать свежих человек до тысячи» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 13. Л. 46].

Имеются в фонде И-35 и дела, посвященные расследованию участия калмыков «в нападении калмыков, будучи под предводительством Е. Пугачева» [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 86; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 87; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 88; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 95; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 106].

Постепенно правительство предпринимало меры по внедрению среди оставшихся калмыков новых форм управления ими. Именным императорским указом (рескриптом) велено выбрать в Зарго по одному члену от торгутов, дербетов и хошутов, которые теперь будут заседать теперь в Астрахани. Икицохуровские Асархо и Маши не замедлили выразить свое неудовольствие, что в назначенное Зарго от торгутов выбран, по согласию А. Дондукова и Яндыка, хотя именным указом повелевалось от всех торгутов выбрать только одного представителя-заргачинара. Мелкие нестыковки были и в других нововведениях.

В фонде И-35 содержатся сведения о калмыцких владельцах и о численности их подвластных [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 34; НА

РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 35; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 37; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 38; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 39; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 40; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 97; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 98; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 99; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 107], о деятельности Калмыцкой экспедиции и ее служащих [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 30; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 77; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 80; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 125; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 126; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 151; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 149; НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 168; и др.].

Заключение

Документы фонда И-35 включают дела, охватывающие период с 1771 по 1786 г., когда Калмыцкая экспедиция была ликвидирована. Всего в опись фонда включено 205 дел. Среди них — предписания, определения, резолюции астраханских губернаторов; рапорты и донесения, а также письма, в том числе содержание прошения, по разным вопросам; письма калмыцких владельцев; реестры; книги договоров. Документы фонда отражают сведения о свершившейся в 1771 г. откочевке калмыков в Джунгарию, о взаимоотношениях с оставшимися владельцами; имеются данные о численности калмыков и об их владельцах, о становлении системы управления оставшимися на Волге калмыками и о взаимоотношениях с соседними народами; об участии калмыков в военных действиях России и о расследовании участия калмыков в Пугачевском движении; о различных спорах. Материалы фонда включают сведения о кочевьях калмыков, а также отражают колониционную политику по отношению к калмыцким степям.

Источники

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Батмаев 2022 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт: монография. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.

- Батыров 2014 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
- Доржиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- Источниковедение 1981 — Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. школа, 1981. 496 с.